

Polylogos. 2013-2019

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 4 Volume 2. 2018

Collectivism at the crossroads of different constructions

S. Neretina

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Moscow, 109240, Russian Federation, 12/1 Goncharnaya Str.

Abstract

The article analyzes the theme of God-seeking and God-building in relation to the philosophical works of A. A. Bogdanov. It is argued that the popular notion that Bogdanov was a God-seeking philosopher has no basis, since in his philosophical and political studies he relied on a scientific approach and developed the ideas of collectivism as the basis of social relations. The article notes that the phenomenon of faith was the subject of Bogdanov's thought solely because of its connection with authoritarian labor relations, that is, it was interpreted in the Marxist spirit inherent to Bogdanov. The influence of Nietzsche's ideas on Bogdanov's theory is analyzed; points of contact with the concept of the dialogue of cultures of M. Bakhtin are indicated. In addition, the article reveals a number of aspects of the creative relationship between A. Bogdanov and M. Gorky, who also significantly influenced the development of the idea of collectivism.

Keywords list (en): AA Bogdanov, Marxism, culture, collectivism, dialogue, god-building, Nietzscheanism, M. Gorky, M. Bakhtin

Date of publication: 31.12.2018

Citation link:

Neretina S. Collectivism at the crossroads of different constructions // Polylogos. 2018. V. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Access for registered users. URL:

¹ *Зверела реакция. Интеллигентчики ушли от всего и все изгадили Заперлись дома, достали свечи, ладан курят — богоискатели*¹.

² Разговор об А.А.Богданове не может миновать тему богоискательства и богостроительства потому, что его имя накрепко с нею связано. И не важно, так это или нет, важно, что в сознании большинства образованных людей, чья жизнь не связана с анализом идей Богданова, кто толком не знает даже его имени, эти слова – Богданов и богоискательство (строительство) - стоят рядом, как-то туда вложенные. Я, однако, не ставлю перед собой цели разоблачить нелепые представления об этой связи – как всякие возникавшие обвинительные идеи, они проявлялись болезненно и остро, но иногда весело и не без иронии, как это сделал сам Богданов в статье «Вера и наука», специально посвященной «книге В.Ильина (псевдоним Ленина. – С.Н.) "Материализм и эмпириокритицизм"», в коей была сделана попытка проанализировать идеологический разлом начала XX в. Не ставлю также цели показать включенность Богданова – через эмпириомонизм – в философскую мысль, скажем, Ницше, в обсуждение кризисных проблем из-за поражения русской революции и действительно вызвавших к жизни идею богостроительства – его программная книга, книга единственного среди большевиков теоретика, психиатра по образованию, называвшаяся „Новый мир" начиналась с эпитафий из Библии («Создал Бог человека по образу своему»), К. Маркса («Общественное бытие определяет собою сознание людей») и Ф. Ницше («Человек — мост к сверхчеловеку»). Книгу составили три статьи: «Собирание человека», «Цели и нормы жизни» и «Проклятые вопросы философии», изданные отдельно в ж. «Правда» в 1904 г., а затем в виде книги. Как писал Богданов, «статья первая посвящена изменению типа человеческой личности — устранению той узости и неполноты человеческого существа, которые создают неравенство, разнородность и психическое разъединение людей. Статья вторая говорит об изменении типа общественной системы — устранении элементов принуждения из отношений между людьми. Статья третья намечает изменение типа человеческого познания – освобождение от фетишей, ограничивающих и извращающих познавательное творчество. В выяснении вопросов я старался идти по тому пути, который указан Марксом (он характеризует Маркса как «философа-бойца». – С.Н.), — искать линии развития «высших» проявлений человеческой жизни, опираясь на их зависимость от развития *основных* ее условий»². В любом случае речь идет о «собирании человека», и соответственно Богданов отвечал на главный вопрос – «что такое человек?», что «"человек" есть *целый мир опыта*», он «не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом — “человеческое тело”, ни психическим комплексом — “сознание”, ни социальным — “сотрудничество”... И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не

получится *целостной* концепции: собрание частей еще не есть целое»³. Потому мир человека – «мир развертывающийся, не ограниченный никакими *безусловными* пределами». Он — «мир, но мир частичный, не космос, а микрокосм, не все, а только часть и отражение великого целого...

³ *Общение с другими существами* — вот что делает человека микрокосмом». Диалог – эта идея вот-вот возникнет в философии, ею будут заниматься М.Бубер, А.А. Майер, М.М. Бахтин. Она уже на кончике мысли: не обобщение, а именно общение, которое, по Богданову, осуществляется в социальной среде, в коллективном опыте. Лишь однажды Богданов употребляет слово «бог» в сугубо негативном контексте, когда говорит о человеке обывательском, или «схоластическом», надеющимся, что «бог сжадется над ним».

⁴ Мы сейчас не обсуждаем степень философской компетентности Богданова. Нас интересуют идеи богоискательства. Здесь их нет и не может быть, ибо его занимает *научная*, даже *естественнонаучная* позиция, помноженная на некое интуитивное допущение всеобщей диалогичности, догадка, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание "я - ты", хотя бы эти «я» и «ты» были онтологически различными личностями, обладающими - актуально, или потенциально, - различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра. Но он не философ-диалогист, он – монист, полагающий, что «зрительный мир у вас обоих *один и тот же*, и оба вы располагаете *общими методами*, чтобы зрительно “овладеть” любой частью этого мира». А потому дело может «идти о возрастающей общности *основного содержания* опыта, а не бесчисленных частных переживаний, о возможности *полного взаимного понимания* людей, а не об их психическом тождестве; о способности каждого во всякое время *овладеть* какой угодно частью опыта других людей, а не о фактическом обладании всем этим опытом»⁴. Это и есть подход к «коллективному опыту», приведение в действие этого «коллективного опыта», чего при «старой специализации» быть не могло. Но при новом подходе, стремящемся гармонизировать мир, создать целое из частей, получается вывод, позволяющий понять, что извлек Богданов из чтения Ницше, считавшего, что "Человек есть нечто, что должно превзойти"⁵: «Человек *еще не пришел*, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте»⁶. Дальше – утопия. Дальше – не богостроительство, а роман «Красная звезда», повествующий о научном социализме и коллективности на Марсе.

⁵ Маркс и нигилист Ницше, который полагал Бога задохнувшимся в теологии, как и нравственность в морали, стали для Богданова ориентиром при производстве этой коллективной социальности. Человек как он есть оказался не целью и безусловной ценностью, а средством для построения некоего будущего существа-существования. Это богдановское умение срастить или

вывести одно из другого столь разные умозрения и воплотить их в воображении давно вызывало мое личное изумление перед разнообразием тогдашней российской жизни, от утонченности восприятия до плотно-плотских фантазмов, далеких от ненависти и уныния, монотонности и рафинированности, декаданса. В ней, в этой жизни, все трещало по швам. Всё и все предвещали революцию. Это один момент. Но именно этакая пограничность моментов вызывало желание развернуть далекую от личных пристрастий.

6 Второй: все огрызались друг на друга, не спускали друг другу ошибки и – главное – ляпсусы, как это было у Ленина, которые замечали даже далекие от академической философии люди. Но эта размашистая крикливость, рядящаяся под строгое философское рассуждение, показала значимость эмоции, позволившей неверному слову, сказанному рьяно и порывисто, в основании которого лежит **ложь или непонимание**, приклеиться к человеку пожизненно и в качестве его неотъемлемой характеристики, как к Богданову, естественнику и материалисту, приклеились богостроительство и богоискательство, к которым он и не прикасался, разве что метафорически и в связи со словом, оплодотворившим новое общество, – **коллективизм**. Это рождавшееся новое понятие, как всякое понятие, со всех сторон обговаривалось весьма пылко, но не всегда чисто. Именно это понятие, по крайней мере, у двух людей, к которым приклеивали ярлыки фидеистов, у Богданова и М.Горького, определяло их поиски мирового устройства. Оно по-разному понималось и было по-разному ориентировано, это мы и попытаемся показать. Естественно, основное внимание будет уделено некоторым идеям Богданова как менее известным.

7 Богданов не имел отношения к вере. К вере имели отношение действительно богоискатели (С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус и др.), которые группировались вокруг Петербургского религиозно–философского общества. Потом имя Богданова вписали в особую группу, связав ее с идеалистической философией (Базаров, А.В. Луначарский, П.С. Юшкевич, Н.В. Валентинов), синонимом которой сделали фидеизм. Организатором такой подмены был общий близкий знакомый этих людей – Ленин, но его *почему-то* поддержали многие социалисты. Впоследствии «Краткий курс истории ВКП(б)» отмечал, что эти «богостроители» вели *завуалированную* критику марксизма «под флагом “защиты” основных позиций марксизма», *двурушнически* называя себя марксистами. Во всех этих оценках важны определения, а лживые и унижительные определения легко клеймили людей, не отвечавших смыслу этих определений. Философский дискурс их обелить не мог, поскольку его никто не знал.

8 Августин в свое время (IV в.) считал, что красноречиво говорить нужно

лишь о дьяволе, чтобы ярче запоминалось его уродливое и лживое обличье, а о Боге нужно говорить простыми словами.

9 Сын Богданова Александр Александрович Малиновский выдающийся российский биолог, генетик, специалист по проблемам тектологии, кибернетики и системных исследований - прошел ГУЛАГ «за» отца, которого, скорее всего, привязали к богостроителям за то, что а) его сестра была первой женой «богостроителя» Луначарского и б) что смел перечить Ленину, позитивно относясь к махизму, который Ленин считал вещью позорной для поленински философской мысли в России. Ленин употреблял слово «поповщина» в своей критике махистов, заявляя о поповском характере махистской философии.

10 Много лет спустя ему вторил Э.В. Ильенков: «Когда захлебнулась в крови революция, сильно вырос и спрос на махистскую философию. Конечно, не на нее только. И на откровенную мистику, и на порнографию»⁷. Оксюморонное соединение мистики и порнографии свидетельствует о степени неприятия философии, которой к тому времени было более полувека, когда выросли другие гипотезы и предположения, после нацизма и сталинизма гораздо более актуальные. Правда, книга вышла в 1980 г., после смерти Ильенкова, неизвестно, повторил ли бы он сам эти слова. Но совсем недавно в 2012 г. эту книгу называли «предупреждением возможной беды для нашей страны при забвении её руководством диалектической логики Ленина в разрешении назревших противоречий советского общества»⁸. И это значит: разговор о тождестве фидеизма и идеализма, богоискательстве и пр. насущен и современен.

11 Слова Ильенкова, касавшиеся и психиатра по профессии Богданова, «времена реакции очень тяжелы для духовного здоровья» (раздел «Позитивная программа русского позитивизма») в то время звучали как приговор, за которым следовали определенные санкции.

12 Но вряд ли нездоров был Богданов. Он писал о вере словами С.Л. Франка: «В "Вехах", покаянном сборнике поумневших под кнутом реакции русских либералов, в статье г.Франка значится: "...При всем разнообразии религиозных воззрений, религия всегда означает *веру в реальность абсолютно-ценного*, признание начала, в котором слиты воедино реальные силы бытия и идеальная правда духа. Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию *космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей*, и всякое мировоззрение, для которого идеал имеет лишь относительный человеческий смысл, будет не-религиозным и анти-религиозным..." (стр. 151. *Курсивы мои. – А.Б.*).

13 В книге "Материализм и эмпириокритицизм", ставящей себе целью борьбу с религиозным мышлением не на живот, а на смерть, сказано: "Фидеизм

есть учение, ставящее веру на место знания, или вообще отводящее известное значение вере" (стр. 2. "Фидеизм" у Вл.Ильина употребляется для замены термина "религиозное мышление").

14 Для нас, исторических материалистов, знающих, что идеология определяется в конечном счете производственными отношениями, а религиозное мышление есть известный тип идеологии, подобные характеристики, длинные или краткие, очевидно, недостаточны»⁹.

15 Что заставило естествоиспытателя Богданова обратиться к феномену веры? Его ответ свидетельствует не о связи с религией или идеей, а о продумывании **властных** отношений. Феномен веры является предметом его мысли только и единственно из-за его связь «с *авторитарными* трудовыми отношениями (руководство – исполнение или власть – подчинение)»¹⁰. Против авторитаризма он неизменно восставал. Думаю, что Ленина, **не обратившего на это никакого внимания**, именно это возмущало в Богданове. Именно из негодования на это возникало столько неприязни и, в конечном итоге, выбивание Богданова из политической жизни, где именно авторитаризм приобретал огромную силу. Богданов писал, что для верующего сознания «характерно создание *властных фетишей* и требование от людей покорности, *повиновения* им. Это – идеализированные образы, порождаемые фантазией на основе реального господства "авторитетов" над людьми в их социальной жизни. Словом, религиозное мышление есть авторитарное, и только... С этой точки зрения понятна и роль в нем "абсолютных ценностей", которую так подчеркивают идеалисты, как г. Франк в приведенной мною цитате, и значение "веры", к которому сводится дело для Вл.Ильина» (Ленина). «Тенденция к "абсолютному" присуща всякому авторитету; ибо подчинение ему прочно и надежно только тогда, когда веления, указания, утверждения, от него исходящие, принимаются как нечто безусловное, непреложное, не подлежащее критике, окончательное; и конечно, авторитеты идеальные, создаваемые религиозной мыслью и настроением, должны представлять из себя завершение этой тенденции к абсолютному. А "вера" есть отношение человека к признаваемому им авторитету: не простое доверие к нему или согласие с ним, но – основанное на *подчинении*, на устранении собственной мысли и критики, на отказе от исследования, на подавлении всяких возможных сомнений, на акте воли, направленном к познавательной пассивности»¹¹.

16 Богданов подчеркивает «*статический* характер религиозного мышления», «его тяготение к неизменному и неподвижному, к *остановке* на пути познания и практики. Вера, поскольку она не допускает критики тех или иных форм жизни, тех или иных истин, придавая им абсолютное значение, не допускает, следовательно, и их развития, а тем более – коренного изменения, замещения высшими. Это – особенно важная черта религиозного мышления,

позволяющая узнавать его во всяких переодеваниях»¹². Ленин же, с точки зрения Богданова, занимался именно «борьбой за идею абсолютной и вечной истины, борьбой против принципа относительности всякого познания», и эта борьба «занимает в книге большое место».

17 Сейчас читать это странно, а после слов в «Материализме и эмпириокритицизме», что Богданов сидел в луже и охорашивался от своего, очевидно, «богостроительного» бреда, в котором его неповинно обвиняли, и смешно. Статья «Вера против науки» была опубликована под одной обложкой с Луначарским, В. Базаровым (В.А. Рудневым) и Горьким, преследуя цель создания научного монизма и коллективизма – основы социализма. В этом – ее соль. Можно вслед за Богдановым спросить: «Ожидали ли вы, читатель, что в XX веке среди русских марксистов выступит мыслитель, взгляды которого логически заключают в себе отрицание теории Коперника? Или Джордано Бруно», вы, читатель, которого учили тому, что монахи Коперник и Бруно отстаивали материалистические взгляды? Но ирония Богданова идет дальше: он отождествляет взгляды Ильина-Ленина с взглядами по определению Ленина идеалиста-мракобеса Бердяева...

18 Но мы-то – почему поверили не ему, акму? Не оттого ли, что негативные оценки, вербально выраженные, имеют больше веса, чем позитивные, апофатическое сильнее катафатического потому, что содержит указание или намек на нечто таинственно оккультное, считаясь «словами силы». Говоря языком психоанализа, Ленин интуитивно чувствовал, что агрессивно-защитная брань освобождает любое «я» от давления «сверх-я» (влияние психоанализа в то время было чрезвычайно сильно). Негативные слова играли роль возбудителя энергии при отсутствии четкой аргументации.

19 Задача Богданова, пишущего в кн. 1 «Эмпириомонизма» о «соотношении жизни и психики, психоэнергетики и пр., о том, что суть XX в. – в том, чтобы быть «веком критики по преимуществу не той страстной критики, которая преобразует формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченного мышления... беспрепятственным прогрессом человеческих сил – индивидуальных и общественных»¹³ он был прогрессистом. Он представлял смысл *эмпириокритицизма* как, «современной формы позитивизма, развившейся на почве новейших методов естествознания, с одной стороны, новейших форм философской критики – с другой.

20 Прогресс в познании вызвал желание «достигнуть строгого *монизма* в познании, это мировоззрение строит свою картину мира всецело из одного материала – из “материи” как объекта физических наук. Атомистически представляемая материя в своих разнообразных сочетаниях, в своем непрерывном движении образует все содержание мира, сущность всякого опыта, и физического и психического, к которому присоединяется строгая

тенденция *научного объективизма*», требующего новой методологии - *познать свое познание*, объяснить свое мировоззрение, согласно идее марксизма»¹⁴. Это касалось всего корпуса наук: точных, наук о живых организмах, социально-исторической группы наук, исследующей развитие материальной культуры, права, нравственности, религии, искусства и т. д. **«И отсюда – крайняя вражда этой философии ко всем фетишам религиозных и метафизически-идеалистических мировоззрений»**¹⁵.

21 Так сам Богданов определяет положение дел, но победил не разум, а магия искажения дела.

22 Сам же он объясняет и причину: убедительность и даже очевидность положений теории еще ничего такого не доказывают. Ибо дело не в отсталости, не в необразованности, а в необходимости нужных слов. В то время нужны были другие слова – даже не здравого смысла, а слова, осуждающие старых поработителей, которых осуждала **масса** под именем **народа**. Их, эти «слова силы» знал Ленин. Их **не** знал Богданов. И это показывает необходимость исследования речевых особенностей революционного сознания.

23 М.Фуко писал в «Рождении клиники» (а мы у Богданова тоже сталкиваемся с таким рождением) о различии между текстом X, писавшим в 18 в., о том, что происходит в мозгу человека, и текстом Y из века 19-го. Оба текста идентичны по содержанию и описанию болезни. Различие между ними «ничтожно и тотально». Ничтожно потому, что они говорят одно и то же, а «тотально для нас», потому что текст Y относится к времени, которому и мы принадлежим, и каждое его слово «направляет наш взгляд», а предыдущий текст говорится на языке, уже «не имеющем перцептивной поддержки»¹⁶. Так и текст Богданова: это язык философии XIX – XX в. Он выдержан в свете современной методологии понимания вещей и понятий через цивилизационное состояние дел: во Франции материализм просветителей был реакцией против старой религиозности, а идеализм утопистов XIX в. – реакцией против материализма просветителей и т.д., т.е. каждый раз показывается смена содержания понятий в связи со сменой жизненных смыслов. А текст Ленина имел перцептивную массовую поддержку как неизменный и низменный язык обмана, язык скандала, грязи, с которой начали бороться еще в 17 в., но был представлен в форме современной лексики. Здесь очевидная «речевая мутация», заставляющая «обратиться не к его тематическому содержанию или логическому строению, но к той сфере, где “слова” и ”вещи” еще не разделены, способы видения и высказывания слиты на языковом уровне»¹⁷.

24 И еще – акцент Богданов ставит на тяготы, связанные с **идеологией**. Он в числе первых показывает ее связь с типом авторитарного мышления. «”Идеализм”, – пишет он, - эта «смягченная форма религиозного

мировоззрения – свойствен мелкой буржуазии, еще не порвавшей своей связи с авторитарным строем; собственно авторитарный класс – феодалы – склонен стоять просто за религию, так как, с одной стороны, она вообще санкционирует господство господствующих, с другой стороны, вполне соответствует типу авторитарного мышления (антитезы «Бог – мир», «дух – тело» и т. п. идеологически отражают то, что в действительности выступает как «власть – подчинение», как функция организаторская и исполнительская). Мелкая же буржуазия вначале, пока она еще сословие феодального мира, просто религиозна, и эту черту она сохраняет еще долго после того, как перестает быть таким сословием, частью в силу общего консерватизма идеологий, частью в силу авторитарного строя каждого отдельного мелкобуржуазного хозяйства (семья) Усилению авторитарного (а стало быть, и «идеалистического») элемента в мышлении французских утопистов способствовало еще то обстоятельство, что в своем реальном бессилии утописты стремились опереться для достижения своих целей *на организованные авторитарные силы – государство, отчасти церковь*¹⁸. То же он пишет, анализируя семейный быт, социальное развитие и пр. Они охватывают всю ту область, которая возвышается над «техническим процессом», и образуют в своем развитии, в своем возникновении и разрушении процесс идеологический, сгруппированный в три основных типа:

²⁵   Формы непосредственного общения – крик, речь, мимика для непосредственного объединения и координирования человеческих действий, а затем и представлений, и эмоций – психических реакций, неразрывно связанных с действиями и их собою определяющих. Формы познавательные – понятия, суждения и их сложные комбинации в виде религиозных доктрин, теорий научных и философских и т. п. Они служат для *систематического координирования труда на основе пережитого опыта. Формы нормативные: обычай, право, нравственность, приличия, практические правила целесообразности для поведения людей. Их роль заключается в устранении противоречий социальной жизни путем ограничения тех или иных функций*, которые без этих ограничений дисгармонически сталкивались бы между собою.

²⁶   «Многоэтажность» идеологической надстройки, направление основной линии ее развития снизу вверх и возрастание консерватизма форм в этом же направлении объясняют один из замечательных жизненных парадоксов: в то время, когда реальные основы сложной идеологической системы уже исчезают, в верхних слоях идеологии развитие соответствующих им идеологических форм еще продолжается и завершается, приобретая статус религиозной догматики.

²⁷   Богданов специально выделяет идеологию как понятие, с которым

связано тоталитарное мышление, и описывает организаторскую **«функцию идеолога»**, кто бы он ни был – литератор, философ, религиозный учитель, политик. «Степень широты и значения» этой социальной работы, как он пишет, может быть очень различна, «от эфемерной роли какого-нибудь мелкого поэтического произведения, систематизирующего некоторое количество впечатлений, переживаемых немногими людьми, до всесветной преобразовательной деятельности великого религиозного реформатора. Но самый способ организующей работы в существенных чертах один и тот же, значительно отличающийся от обычного, который сводится к “распоряжениям” и “приказаниям”, требующим “подчинения”. Здесь перед нами такой тип организующего процесса, который делает роль идеолога как бы промежуточным звеном между ролью обычного персонального организатора и безличных идеологических форм. Идеолог лично вырабатывает организующие формы, но они не прямо и непосредственно организуют жизнь и опыт людей (как это делают “распоряжения”, “приказания” и т. п.), а только пройдя через социальный подбор и приобретя в нем характер безличных норм и идей, подобных нормам и идеям, выработанным стихийно»¹⁹.

²⁸ Насколько можно понять, это один из первых, если не первый подступ к определению идеологии, подход к ее генезису, ведущему к появлению феномена массового сознания. До сих пор такая роль идеологии, если и учитывается, то без анализа опасности, исходящей от становления стереотипов, возведения личного желания через указ, распоряжение (см. выше) во «всеобщее веление самого бытия»²⁰. Не так много серьезно писавших об идеологии: Л. Альтюссер, В.С. Библер... Для Альтюссера идеология как система представлений в образе мифов или понятий относится к области бессознательного является внеисторичной структурой, которая связывает Воображаемое и реальное отношение человека к миру и воспроизводится через разные практики (акт молитвы, к примеру, свидетельствует о материальном существовании веры²¹, то для Библера идеология целенаправленно вводится в сознание некой мощной интегрирующей идеей с помощью ее «массового внушения». «Идеология пропитывает всю сферу мотивов, эмоций, страстей, погружается в подкорку сознания, формируя особый мегаинстинкт»²². Связь с идеями Богданова, развивающего идею «плохой идеологии», результатом которой является идеологическое давление и невозможность мирного сосуществования с другими принципами мышления, очевидна, как очевиден замысел Ленина дискредитировать любую самобытность. Поскольку сейчас повсеместны призывы к созданию новой идеологии в условиях социальной и политической изменчивости, то к мысли Богданова необходимо прислушаться как к мысли насущной.

²⁹ Тем более что Богданов развивает не только мысль о «плохой» идеологии. Для него идеология связана еще и с тем, что он называет

патриотизмом, считая это чувство психологической особенностью людей, возникшей в вечной борьбе между племенами «Это неопределенное, но сильное и глубокое чувство включает в себе и злобное недоверие ко всем чуждым народам и расам, и стихийную привычку к своей общей жизненной обстановке, особенно к территории, с которой земные племена срастаются, как черепаха со своей оболочкой, и какое-то коллективное самомнение, и, часто кажется, простую жажду истребления, насилия, захватов. Патриотическое душевное состояние чрезвычайно усиливается и обостряется после военных поражений, особенно когда победители отнимают у побежденных часть территории; тогда патриотизм побежденных приобретает характер длительной и жестокой ненависти к победителям, и месть им становится жизненным идеалом всего племени, не только его худших элементов – «высших», или правящих, классов, но и лучших – его трудящихся масс»²³.

30 *Критика культуризма. Психический разлом*

31 Эту мысль, над которой трудится и современная мысль, он развивает в романе, который во 2 издании назвал «Утопией». В «Красной звезде» именно психическое состояние героя, исследуемое психиатром, оказывается главным ориентиром понимания. Состояние психического переживания, душевного переворота является переломным моментом, перевалочным пунктом между идеальностью (осуществленной реальностью, или идеологией Марса) и «недо»реальностью (земной реальностью, ибо по прогрессивной шкале, используемой Богдановым в утопии, Земля – ранняя стадия развития человечества, а сравниваются в утопии сопоставимые, похожие миры). Важность психоанализа для Богданова не были скрыты от его товарищей по партии. Его идеи были определены ими (прежде всего, Н.И.Бухариным) как «психологизированный марксизм»²⁴, опорой которого был рабочий-мастеровой. Смысл «Красной звезды» скрывается именно в этом перевалочном пункте психики. Психическое состояние героя не случайно **не лечат**.

32 В чем проявляется психический слом? Он - результат резкой смены двух реальностей, происшедшей не просто при встрече разных уровней **культуры**, но прежде всего – из-за разной культуры **внимания**, на что поставил акцент в своей работе А.А. Парамонов²⁵.

33 Это странный роман – роман-диалог, где сам Богданов выступает в разных лицах: автора, главного персонажа (известно, что он и себя именовал Леонидом), и психиатра Вернера (Вернер один из его псевдонимов). Смысл создания романа-утопии - не столько рассказать о способах построения идеального социализма, сколько о трудностях перехода к нему и пониманию его. Именно потому стоящие на высочайшем уровне развития марсиане ищут для полета на Марс «человека, в натуре которого совмещалось бы как можно больше здоровья и гибкости, как можно больше способности к разумному

труду, как можно меньше чисто личных привязанностей на Земле, как можно меньше индивидуализма. Наши физиологи и психологи полагали, что переход от условий жизни вашего общества, резко раздробленного вечной внутренней борьбой, к условиям нашего, организованного, как вы сказали, социалистически, – что переход этот очень тяжел и труден для отдельного человека и требует особенно благоприятной организации»²⁶.

³⁴ Я не буду говорить об экономической основе марсианского общества, базирующегося на «минус-материи», упомяну о его идейной основе, базирующейся на коллективизме – основе того, на чем будут строиться богоискательные теории, ибо к началу XX в. мы сталкиваемся с другим субъектом истории – масс-субъектом. Термин «коллектив» к этому времени стал едва ли не центрообразующим понятием. Под коллективом понимается не некая общая масса, а собрание творцов. «Творец – каждый работник, но в каждом работнике творит человечество и природа», в которой сосредоточен «весь опыт предыдущих поколений и современных ему исследователей» (ср. с принципами «Нового мира», о чем было сказано выше) и который «исходит из этого опыта в каждой рабочей комбинации, возникающей из самой борьбы человечества с природой». «Человек – личность, но дело его безлично». Имя каждого человека сохраняется до тех пор, пока живы те, кто жил с ним и знает его. Но за пределами этого времени имя не имеет значения. Оно становится балластом, бесполезным для памяти человечества.

³⁵ Повторю, роман – диалог. Один из персонажей романа, правда, отрицательный персонаж, выражает сомнение в справедливости социалистических идей, которых придерживаются земляне. Диалог с ним смещает строго научную позицию в сторону гуманитарной²⁷. «Красная звезда», которая учеными часто толкуется как некая популярная интерпретация научных идей Богданова, на деле вместе с «Тектологией» обнаруживает две (в этом - диалог) стратегии понимания одной и той же проблемы с двумя поразному поставленными вопросами. Одна стратегия придерживается строго научных выводов, другая обнаруживает различия между естественнонаучной и гуманитарной позициями: вторая позиция отличается от первой тем, что она не рассчитана на подведение итогов, итога здесь нет. Результата деятельности нет – герой вообще исчезает, никто не знает, что с ним случилось.

³⁶ Мышление гуманитария должно осуществляться именно в авантюре диалога с внетекстовым автором текста, с бесконечным контекстом мысли, выраженной в тексте, который мгновенно себя же и перестраивает. Вот только что герой на Марсе, а вот и на Земле его нет. На одном из писем и даты нет. происходит бесконечное много- и разноцентрирование. Вот только что речь шла о культуре, о ее разных иерархических статусах. Но как только заходит речь о превосходстве одного статуса над другим, речь поворачивается, полностью меняя замысел, возводя гуманитарность в инаучное знание XX ли

- XXI века.

37 В тексте Богданова мы сталкиваемся с **кануном** новой мысли, нового разумения. Богданов ставит под сомнение безусловную важность самой идеи культуры (между тем начало XX в. было временем культуры, «миром сначала», как характеризовал его О.Э. Мандельштам). Богданов устами одного из марсиан подчеркивает важность высшей культуры. Различие между высшей, марсианской, культурой и низшей, земной, обнаруживает пропасть в душе личности, наблюдающей обе культуры. Но... кто или что может преодолеть эту пропасть: отдельная личность или только и единственно общество? Богданов оставляет знак вопроса. Думать так было бы, пожалуй, утешительно лично для него. Однако и здесь мысль **вдруг** смещается в сторону: о личности и обществе идет речь или о чем-то другом. «У меня остается **серьезное сомнение**, - пишет он (выделено мной. – С.Н.). - Я полагаю, что следовало бы еще проверить то соображение, которое касалось товарищей-рабочих... я пережил кризис и справился с ним, но (и вот идет формулирование нового запроса. – С.Н.) не были ли самый кризис усилен и преувеличен той повышенной чувствительностью, той утонченностью восприятия, которая свойственна людям социально-умственного труда? Быть может, для природы, несколько более примитивной, несколько менее сложной, но зато органически более стойкой и прочной, все обошлось бы легче, переход был бы менее болезненным?»

38 В чем, однако, смысл этой меньшей болезненности?

39 «Быть может, для малообразованного пролетария войти в новое, высшее существование было бы не так трудно, потому что хотя ему пришлось бы больше учиться вновь, но зато гораздо меньше надо было бы переучиваться, а именно это тяжелее всего... Мне кажется, что да», и вот ответ: «Я думаю, что тут есть ошибка в расчете, придавшая уровню культурности больше значения, чем культурной силе развития».

40 Речь зашла о том, действительно ли культура является центральным понятием для развития мышления человечества.

41 Пути Богданова и М.М.Бахтина скрестились поздно: оба показали важность для культуры идеи вневходимости, но о Бахтине мы знали, о Богданове узнали значительно позже, хотя именно он вознес своего героя на другую планету, откуда виднее идеи диалогической сопряженности на границе сознания. Но М.М.Бахтин разработал эти идеи теоретически, сделав их основополагающими, а для Богданова они были дополнительными к идее монизма, однако эта дополнительность необходимо должна быть учтена. Идея монизма предполагала и монистического индивида, похожего на другого. Только при условии похожести, почти их тождественности единство стало бы категорическим, а не декларативным. На это и натолкнулся Ленин, но, не поняв

идеи дополнительности, провозглашенной Богдановым, назвал декларативными именно его идеи. Сделанный Богдановым акцент на «среднего человека», характерного для каждой эпохи, был абсолютно в духе двух первых десятилетий XX в. Этот акцент на человека, который сосредоточивал в себе все усилия, устремления и запросы своей эпохи, роднил позицию Богданова уже с его современниками – Л.П. Карсавиным или, например, П.М. Бицилли.

42 И все же, повторю, главным вопросом Богданова был вопрос о том, действительно ли культура является центральным понятием нового века. «Во второй раз, пишет он, то, обо что разбились мои душевные силы, это был самый *характер* той культуры, в которую я попытался войти всем моим существом: меня подавила (это главное слово! – С.Н.) ее высота, глубина ее социальной связи, чистота и прозрачность ее отношений между людьми. Возникло противоречие между моей внутренней жизнью и всей социальной средой, на фабрике, в семье, в общении с друзьями. И опять-таки не было ли это противоречие гораздо более сильным и острым именно для меня, революционера-интеллигента, всегда девять десятых своей работы выполнявшего либо просто в одиночку, либо в условиях одностороннего неравенства с товарищами-сотрудниками, в качестве их учителя и руководителя, – в обстановке обособления моей личности среди других? Не могло ли противоречие оказаться слабее и мягче для человека, девять десятых своей трудовой жизни переживающего хотя бы в примитивной и неразвитой, но все же в товарищеской среде, с ее, быть может, несколько грубым, но действительным равенством сотрудников?» Дальнейшее показало: именно Богданов спровоцировал Пролеткульт. Но вопрос об экзистенциальности, об онтологии культуры был поставлен остро. Идея культуры как произведения одного автора, отвечающего за *свою* (мою!) отдельную жизнь, столкнулось с идеей коллективной социальности, стирающей различие между культурами.

43 *Горький: коллектив как сила*

44 Это же столкновение обнаружил и другой «богоискатель» и «богостроитель» Горький, мысль которого работала в челночном режиме: личность, индивид коллектив.

45 В 1908 г. идеи Богданова и Горького встретились. И тот и другой, «коллективисты», сошлись в одном: оба жили на Капри, оба получили язвительно-отрицательную оценку Ленина.

46 Горький выразил свои идеи в повести «Исповедь», где главный герой – некий сначала искренне верующий «незаконный человек» Матвей, оказавшийся к тому же и лишним человеком.

47 Тема лишнего человека – особая тема в русской литературе, да и в социальной жизни. Кто бы ни оказывался лишним человеком, он был тем, кто

не нашел себе в ней места. С.С. Аверинцев в интервью «Аргументам и фактам» (1998. № 3) говорил: «Человек в конце XX века находится в ситуации утраченного места»²⁸. Если человек в конце XX века, времени сильных социально-политических и экономических потрясений, смог потерять свое место, то, значит, он с самого начала обладал способностью потерять свое место, стать человеком неуместным, даже безместным, бомжем. Именно так отвечает на это заявление Аверинцева другой российский философ В.В.Бибихин. Сказать такое о животном нелепо. Нелепо сказать, что «лев к концу XX века находится в ситуации утраченного места — у льва просто отняли его место, не он его утратил. Аверинцев продолжает: “А когда нет места — нет и тонуса, нет дерзости, бунта, мятежа”. Постоянный тоник льва — его бесспорное право, в котором никто не сомневается, разорвать чужую плоть и пить горячую кровь. Аверинцев продолжает: «А когда нет места — нет и тонуса, плоть и пить горячую кровь. Человек в ритуале режет плоть и льет кровь, преподнося их богу и только от бога получит себе. У неуместного человека нет тоника. То, что он постоянно ищет и находит тоник, как раз и доказывает, подтверждает, что от природы, с самого начала, а не в конце XX века, у человека дерзости нет»²⁹.

48 У Горького, пишущего в начале XX в., мы читаем о незаконном человеке, потерявшем свое место, который, похоронив жену, услышав много антибожественных слов и вопросов, стал вот уж действительно безместным странником, пытаясь разобраться, что же такое Бог, т.е. дающий тоник и дерзость. Но отвергающий Бога Матвей, оказывается, имеет на это дерзость, тем самым доказывая в том числе существование отвергаемого. Вопрос в том, каков этот Бог.

49 У Горького теоретические размышления убраны, как сказал бы Бахтин, в *речевой* жанр повести. Если у Богданова важна логика разворота мысли, то Горькому важно желание наблюдать и рассказывать, ибо многие слова потеряли смысл. К богоискательству он шел *от беды слов*.

50 Поиски бога привели к тому, что Горьким и соответственно его героем Матвеем был найден новый субъект истории: если прежде им был конкретный «я», несший за себя и за поступок полную ответственность, то теперь субъектом жизни, бытия, истории стал народ и его воля. Оппозиция «индивидуальное/коллективное», обсуждаемая в интеллигентской среде после поражения революции и ярче всего выраженная в сборнике «Вехи», где, например, М.О. Гершензон полагал «внутреннюю жизнь личности» «единственной творческой силой человеческого бытия», считая ошибочным принцип, основанный «на признании безусловного примата общественных форм», Горьким разрешается в пользу народного, коллективного сознания. Вопрос в том, почему?

51 Только ли потому Матвей взял за основу своей жизни народную религию, что она была первой идеей, заместившей старую. Он не испытал ни одной другой мысли и остановился, казалось, на первой подходящей, примитивно наложенной неким старцем Иегудиилом на примитивно же, но понятно изложенную русскую историю. Его наивность – наивность интересующегося, но мало образованного человека, любящего книги, в основном церковные. Понял, что в них слово «бог» замещается словом «дух», а слово «дьявол» – словом «природа». Понял и то, что в книгах, как и в странничестве, он не нашел свободы, он чувствовал себя в них «как мышь в западне». Матвей не обнаружил в книге собеседника – только информацию. «Книги, пишет он, со мной не спорят, они просто знать меня не хотят»³⁰. Ни один наш современник не признается в таком необщении с книгой, даже если он действительно с нею не общается. Матвей же желает разговаривать с книгой. Его метод познания отличен от Богдановского. Тот фантазирует, он составляет диалог землянина с марсианином. А Горький имеет дело только с уже написанным текстом. И в полном контакте с ним, как о том говорили философы-диалогисты Бахтин и Библер, пытается войти во внутреннее бытие текста. Но они в силу ли того, что работали в тройственном согласии ума-разума-рассудка, в силу ли развитого энигматического разума умели разговаривать с книгой, а Матвей (и матвеям нет числа) нет. Он действует только с помощью рассудка. И это значит, как и в случае с Богдановым, что идея культуры не работает, если нет *товарищеской среды, с ее, быть может, несколько грубым, но действительным равенством сотрудников* (см. выше о Богданове).

52 Это важная точка схождения с Богдановым. Горький ставит здесь вопрос, не является ли мир более широким и сложным, чем многие продуманные ответы, завязанные на идею культуры. Да и нелегко понять тот факт, что огромное множество людей может быть заодно. Горький как бы поддается на эту удочку «заединщины». У него в результате всем тоже надо быть заодно: его новый герой – народ. «Не о царях говори, а о народе! Народ главное! Суемудрствует, страха в нём нет!.. Зверь он»³¹. Он пытается как-то совместить природу и церковь, которой отводит роль укротителя. Но уже все понятия смешались, они, как мы сейчас бы сказали, стали гибридными. Все лица в представлении Матвея, обдумывающего идею народа, «слились... в одно большое грустное лицо; задумчиво оно и упрямо показалось мне, на словах – немотно, но в тайных мыслях – дерзко, и в сотне глаз его – видел я – неугасимо горит огонь, как бы родной душе моей»³². Эта мысль также сродни Богдановскому монизму.

53 Вопрос о новом боге связан, разумеется, связан не с конфессиональностью и тем более не с «неведомым» Богом христиан. Отповедь Ленина Горькому, шпыняющего его богдановским определением бога

как «комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства», называющего это «богдановским идеализмом, затушёвывающим материальное происхождение идей», эта отповедь бьет мимо цели, намеченной Горьким. Бьет мимо цели и тогда, когда в нем видят только певца коллективизма, чему он давал повод, хотя в то же время писал: «Да ведь я это я, а другой другой!»³³. Очевидно, что он пишет о боге не как о комплексе идей, а как выражении народной воли и народного духа – это подтверждается текстом. Ему важно было показать путь, каким надо следовать для преобразования чистого индивидуализма к коллективизму, выраженному через персону, освобождающую человека от рабства.

54 «Не бессилием людей создан бог... - от избытка сил. И не вне нас живёт он... но - внутри!»³⁴. Не утопию сочинял он, а план преобразования души.

55 Что он имел в виду, когда говорил о бессмертном народе, который «есть начало жизни единое и несомненное»³⁵?

56 В статье, посвященной «Исповеди» Горького, я писала о том, что его итальянский друг, А.А.Золотарев, хотя и соглашается с тем, что «Исповедь» вдохновлена идеями Богданова и Луначарского, все же считает, что «вдохновителей» надо искать в самой Италии³⁶. Это, прежде всего, идея *di eropolo* (народобога) Джузеппе Мадзини, одного из героев Рисорджименто, сподвижника и оппонента Дж. Гарибальди, 100-летие которого широко отмечалось в 1907 г., когда Горький был на Капри и когда замышлялась повесть. Да и Горького в «Итальянских сказках» поражала способность итальянцев в один миг становиться одним целым. Золотарев обратил внимание именно на *необходимость* каждого человека в Италии в отличие от человека, который мог оказаться *ненужным*, в России – это замечание Золотарева шло вразрез с видением «Исповеди» в России того времени, где оценка этого произведения была в основном критической. Золотарев пишет, что Горький понял «доминанту итальянской истории», зафиксированную в легенде, где рассказывалось, как римский консул, победитель сабинян Меневию Агриппа вернул в город плебеев, ушедших на Священную гору из Рима для защиты своих политических и социальных прав, парализовав при этом экономическую жизнь Рима, рассказав им притчу о единстве членов человеческого тела. Ее содержание было таково: члены человеческого тела поссорились с желудком, считая его ленивым, и отказали ему в своих услугах. Но в результате они сами ослабели и поняли, что желудок, принимая пищу распространяет возникавшие от еды силы по всем членам. Тогда они помирились с ним.

57 Смысл этой легенды, если следовать замыслу «Исповеди» в том, что, если каждый отдельный человек *ненужный*, лишний в этой жизни, то вместе, в *коллективе*, собранно люди представляют силу.

58 В свое время я написала работу «Марк Аврелий: философские

начала»³⁷, основная идея которой, основанная на анализе «Размышлений» Марка Аврелия и диалога «О природе богов» Цицерона, заключалась в том, что римский бог «не выдуман человеком», как полагал Ницше. «Бог понимается и антропоморфически и метафизически – то есть так, как физичен и антропоморфичен человек. Он есть лучшее и совершенное человеков, все остальное исчезает в могиле»³⁸. Это не утопия, это то, что называется подателем жизни, дыхания, как говорили и Цицерон, и Марк Аврелий. А «если дыхание у нас общее, то и логос, которым мы умны, у нас общий»³⁹. Потому эта идея врожденна человеку, но человеку как роду, как коллективу. Относиться к Горькому, **писателю**, хотя бы он был дружен с марксистами, как к выразителю их общественных интересов просто нельзя. Это другой коллективизм, это попытка выставить на обсуждение разные представления о коллективизме, в том числе идеи Богданова.

Remarks:

1. *Маяковский В.В.* Владимир Ильич Ленин. Поэма. М.: Гослитиздат, 1938. С. 46.
2. *Богданов А.А.* Новый мир (1904 – 1924) [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения 16.11.2018)
3. Там же.
4. Там же.
5. *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого/Перев. Ю.М.Антоновского. М.: Изд-во «Культурная революция», 2007. С. 13.
6. *Богданов А.А.* Новый мир (1904 – 1924).
7. *Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Диалектика идеального. (размышления над книгой В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Политиздат, 1980 [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения 17.11.2018).
8. *Белов Ю.* Ленинская диалектика Эвальда Ильенкова // Правда. 11 мая 2012.
9. *Богданов А.А.* Вера и наука (о книге В.Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»)//*Богданов А.* Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). М., 1910. [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения 17.11.2018).Курсив Богданова.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения 17.11.2018)
14. Там же.
15. Там же. Выделено мною.
16. *Фуко М.* Рождение клиники/Перев. с фр., научн. ред. и предисл. Доктора психологических наук А.Ш. Тхостова. М.: Изд-во «Смысл», 1998. С. 8 – 9.
17. Там же. С. 11.
18. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм [Электронный ресурс] URL: [>>>>](#) (дата обращения 17.11.2018)
19. Там же.

20. *Библер В.С.* Нравственность, культура, современность // *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 271.
21. См.: *Althusser L.* Pour Marx. P.: Maspero. 1965.
22. *Библер В.С.* Нравственность, культура, современность. С. 271.
23. *Богданов А.А.* Красная звезда [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения 17.11.2018).
24. См.: *Неретина С.С.* Философские одиночества. М.: ИФ РАН, 2011. С. 20 (о Богданове с. 16 – 32).
25. См. в этом сборнике: *Парамонов А.А.* Синематограф Богданова.
26. *Богданов А.А.* Красная звезда. Дальнейшие цитаты отсюда.
27. О различии между естественнонаучной и гуманитарной позициями см.: *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. С. 59 – 68.
28. Интервью С.С.Аверинцева газете «Аргументы и факты» [Электронный ресурс] URL:>>>> (дата обращения 18.11.2018)
29. ***Бибихин В.В.* Лес. (hyle) (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). СПб. : Наука, 2011. [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения 18.11.201)**
30. Горький, М. *Исповедь* // *Горький М.* Собр. соч.: в 30-ти т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1949 [Электронный ресурс] URL : http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1908_ispoved.shtml (дата обращения: 28.04.2018).
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. **Там же.**
- 36.
37. *Неретина С.С.* Марк Аврелий: философские начала // Vox. Философский журнал. 2009. Вып. 7. [Электронный ресурс] URL: [http:// vox-journal.org](http://vox-journal.org) (дата обращения 18.11.2008)
38. Там же.
39. Там же.

References:

1. Mayakovskij V.V. Vladimir Il'ich Lenin. Poehma. M.: Goslitizdat, 1938
2. Bogdanov A.A. Novyj mir (1904 1924)//URL: <https://oleg-devyatkin.livejournal.com/28074.html> - Data obrashcheniya 16.11.2018
3. Nicshe F. Poln. sobr. soch. T. 4. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo/Perev. YU.M.Antonovskogo. M.: Izd-vo «Kul'turnaya revolyuciya», 2007.
4. Bogdanov A.A. Novyj mir (1904 1924).
5. Il'enkov EН.V. Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma. Dialektika

ideal'nogo. (razmyshleniya nad knigoy V.I.Lenina «Materializm i ehmpiriokriticizm»). M.: Politizdat, 1980.- URL: <http://caute.tk/ilyenkov/texts/len/i.html> (data obrashcheniya: 17.11.2018)

6. Belov YU. Leninskaya dialektika EHval'da Il'enkova// Pravda. 11.05.2012.

7. Bogdanov A.A. Vera i nauka (o knige V.Il'ina «Materializm i ehmpiriokriticizm»//Bogdanov A. Padenie velikogo fetishizma (Sovremennyj krizis ideologii). M., 1910. URS: <http://psylib.org.ua/books/lenin01/txt14.htm> - data obrashcheniya 17.11.2018.Kursiv Bogdanova.

8. Bogdanov A.A. EHmpiriomonizm//URL: <https://www.litmir.me/br/?b=221897&p=1> (data obrashcheniya: 17.11.2018)

9. Fuko M. Rozhdenie kliniki/Perev. s fr., nauchn. red. i predisl. Doktora psihologicheskikh nauk A.SH. Thostova. M.: Izd-vo «Smysl», 1998. S. 8-9.

10. Bibler V.S. Nravstvennost', kul'tura, sovremennost'// Bibler V.S. Na granyah logiki kul'tury. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. S. 271.

11. Althusser L. Pour Marx. P.: Maspero. 1965.

12. Bibler V.S. Nravstvennost', kul'tura, sovremennost'. (Filosofskie razdum'ya o zhiznennyh problemah) / V. S. Bibler // EHTicheskaya mysl'. 1990: nauch.-publicist. chteniya / Redkol. A. A. Gusejnov, i dr.. M.: Politizdat, 1990. S. 271.

13. Bogdanov A.A. Krasnaya zvezda.- URL: https://royallib.com/read/bogdanov_aleksandr/krasnaya_zvezda.html#0 (data obrashcheniya: 17.11.2018).

14. Neretina S.S. Filosofskie odinochestva. M.: IF RAN, 2011. S. 20 (o Bogdanove s. 16 32).

15. Bibler V.S. Mihail Mihajlovich Bahtin, ili Pohtika kul'tury. M.: Progress, 1991. S. 5968.

16. Interv'yu S.S.Averinceva gazete «Argumenty i fakty» // URL: <http://www.aif.ru/archive/1637796> (data obrashcheniya: 18.11.2018)

17. Bibihin V.V. Les. (hyle) (problema materii, istoriya ponyatiya, zhivaya materiya v antichnoj i sovremennoj biologii). SPb.: Nauka, 2011 - <http://libed.ru/knigi-nauka/1025525-7-tom-v-bibihin-les-hyle-problema-materii-istoriya-ponyatiya-zhivaya-materiya-antichnoy-sovremennoy-biologii-sankt.php>.- Data obrashcheniya 18.11.201

18. Gor'kij, M. Ispoved' // Gor'kij M. Sobr. soch.: v 30-ti t. T. 8. M.: GIHL, 1949 - URL:http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1908_ispoved.shtml (data obrashcheniya: 28.04.2018).

19. Neretina S.S. Ispoved': dinamika i logika zhanra // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispoved-dinamika-i-logika-zhanra> (data obrashcheniya: 17.11.2018)

Коллективизм на перекрестке разных конструкций

Неретина С. С.

Институт философии РАН

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье анализируется тема богоискательства и богостроительства применительно к философскому творчеству А.А.Богданова. Утверждается, что популярное представление о том, что Богданов был философом-богоискателем, не имеет под собой оснований, так как он в своих философско-политических исследованиях опирался на научный подход и развивал идеи коллективизма как основы общественных отношений. В статье отмечается, что феномен веры являлся предметом мысли Богданова исключительно из-за ее связи с авторитарными трудовыми отношениями, то есть интерпретировался в свойственном Богданову марксистском духе. Анализируется влияние на теорию Богданова идей Ф.Ницше; обозначаются точки соприкосновения с концепцией диалога культур М.Бахтина. Кроме того, в статье раскрывается ряд аспектов творческих взаимоотношений А.Богданова и М.Горького, также значительно повлиявшего на развитие идеи коллективизма.

Ключевые слова: А.А.Богданов, марксизм, культура, коллективизм, диалог, богостроительство, ницшеанство, М.Горький, М.Бахтин

Дата публикации: 31.12.2018

Ссылка для цитирования:

Неретина С. С. Коллективизм на перекрестке разных конструкций // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000074-3-1/> (дата обращения: 24.06.2019).